

Фазиль ИСКАНДЕР
Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН

ЭПОХА ОТЛИВА?..

*С Фазилем Искандером беседует
 Елена Пиетилляйнен,
 главный редактор журнала «Север»*

Е.П. – Фазиль Абдулович, Вы – известный писатель-прозаик. Но свой творческий путь Вы начинали с публикации стихотворных сборников. Чем обусловлен переход от поэзии к прозе?

Ф.И. – В молодости я считал, как, впрочем, считают многие, что поэзия – высшее выражение словесного искусства. А проза следует рангом ниже. Но позже я убедился в ошибочности этого мнения, когда прочитал рассказы И. Бабеля. Его рассказы – это поэзия! Проза может быть не менее поэтичной, чем стихи.

Е.П. – Вы родом из Абхазии. Трудно ли было Вам, немосквичу, утвердиться в Москве?

Ф.И. – Я учился в Литературном институте в 50-е гг., тогда же начал публиковать свои первые произведения. И никаких дополнительных трудностей в силу своего происхождения я не испытывал, кроме тех, которые выпадают на долю каждого начинающего писателя. Мне никто не давал знать, что чем-то отличаюсь от других, потому что абхазец. Я всегда писал по-русски. Но и тогда я или любой другой мог писать и на родном языке, и никакого запрета не было. Писателя читали в России в переводе. Яркий пример нерусской национальной поэзии – Расул Гамзатов.

Е.П. – Сейчас русский язык, как русская литература, во многих бывших национальных республиках не изучается, потому что они стали самостоятельными государствами. Хорошо это или нет?

Ведь на территориях бывшего Советского Союза проживает немало русскоязычных людей.

Ф.И. – В большом смысле литературному процессу это не мешает. Творческому человеку все равно, на каком языке писать. Но такая позиция опасна тем, что облегчает оправдание для всякого национализма. Националист – это второстепенного ума человек. Повторюсь, что и в Советском Союзе никто никому не мешал писать на родном языке. Но русский язык объединял разные национальности, культуры, помогал взаимопроникновению, обогащая каждую из них. И национализм – вовсе не укрепление патриотизма, а наоборот.

Е.П. – Как Вы относитесь к тому, что русский язык не только не изучается, а просто вытесняется, на той же Украине например? Хотя никто не может отрицать существования Киевской Руси в истории развития цивилизации.

Ф.И. – Это очень грубо! Данный факт – свидетельство низкой культуры тех, кто проводит такую политику.

Е.П. – А в чем, на Ваш взгляд, особенности современного культурного и, в частности, литературного процесса в отличие от того времени, в котором творили Вы?

Ф.И. – Главное отличие – отсутствие всякой цензуры

ры. И, на первый взгляд, это безусловный плюс. Потому что свобода освобождает писателя от условности, можно быть искренним в своем творчестве. Но с другой стороны, цензура, как ни странно, породила реакцию творческого сопротивления. Явление государственного давления на писателя вызвало ответный импульс: я скажу о том, о чем говорить запрещают. И это давало высшую силу самоутверждения.

Е.П. – Сегодня можно издать все что угодно, если есть деньги. И все продается в магазинах. Не способствует ли эта издательская свобода снижению литературного вкуса у читателей?

Ф.И. – Это известный вред отсутствия цензуры. Проявленный интерес государства к писателю свидетельствовал о том, что он чего-то стоит. А раз нет интереса, то простодушные люди не проявляют духовной силы и смелости. С полным упразднением государственного давления в литературе исчезла социальная страсть. Может быть, это главная причина того, что современная русская литература слабее той, что создавалась 20 лет назад. Мы свободны, но не выработали высшую божественную ответственность за свою свободу. И я смею утверждать, что мое наблюдение объективно.

Е.П. – В чем Вы видите признаки ослабления современной литературы?

Ф.И. – Сегодня в литературу не вносится глубокой социальной страсти. Мы не пытаемся ответить на противоречие между жизнью и идеалом. Сейчас идеалы померкли. Литература пошла поверху вширь. Пишут о многом, запретов ни на что нет, но и глубины нет. Литература стала в дурном смысле более профессиональной, но почти не выражающей духовного облика писателя. Вот, например, молодой писатель N. подавал хорошие надежды. Начинать писать правдиво и сильно. Но недавно узнал, что вышла его книга сомнительного содержания, рекламой которой засорен Интернет. По моему глубокому убеждению, это свидетельство падения писателя. Он хочет искусственно привлечь к себе внимание читателя, хотя в этом и не признается. И рассчитывает на то, что это временный прием. Стоит только завоевать славу, а уж потом можно вернуться к хорошей литературе. Но это самообман. Если писатель взялся за жалкие поверхностные вещи, то он сам себя наказал. Известны случаи, когда писатели десятилетиями не публиковались, но не изменяли своему таланту. Невозможно представить Платонова в самые горькие «глухие» годы, пишущего на потребу, вопреки своим убеждениям. Поэтому он остался большим русским писателем.

Е.П. – Раньше были писательские имена, которые знала вся страна. Сегодня таких громких имен нет. Значит ли это, что нет произведений крупного масштаба или они есть, а мы о них просто не знаем? Ведь государство отказалось от пропаганды литературы, как это было в прошлые годы. Может быть, где-то написаны шедевры, до которых никому нет дела?

Ф.И. – На мой взгляд, объективны обе причины отсутствия крупных писательских имен нового поколения. Пристальное внимание государства заставляло писать лучше. А отсутствие государственного внимания привело к внутреннему ослаблению самой литературы. Но в литературе бывают таинственные приливы и отливы. Мы сейчас, к сожалению, живем во времена отлива. Далеко не во всем виновато государство. Видимо, существует какая-то духовная пульсация. Сегодня писатели, как ни странно, остались в каком-то социальном вакууме, они отделились от того, что раньше нас поднимало.

Е.П. – Разрешимо ли это противоречие?

Ф.И. – Да, когда писатели почувствуют, что жизнь страны неполна без них.

Е.П. – Вы много отдали творческих и духовных сил государству – сегодня Вы чувствуете его внимание?

Ф.И. – Я – в глубоко пенсионном возрасте. И не вижу никакой помощи со стороны государства.

Е.П. – О чем сегодня, на Ваш взгляд, должен писать писатель?

Ф.И. – Я бы выделил такую большую тему, как вхождение в жизнь современного молодого человека. Нас в свое время никто не приучал к практической жизни, а сегодня практическая жизнь стоит за порогом дома, и молодые люди должны шагнуть в нее. В современном мире нет когда-то традиционной родительской помощи.

Е.П. – Почему прервалась эта традиция?

Ф.И. – В наше время родители передавали свой социальный опыт детям, который был применим в реальной жизни. Сейчас мы, родители, не обладаем таким социальным опытом, который бы помог нашим детям адаптироваться в современных условиях.

Е.П. – Изменились ли люди с изменением внешних условий жизни?

Ф.И. – Не думаю, что очень изменились. Эти изменения, прежде всего, касаются родительских отношений. Родители сами порой не понимают особенностей новой жизни.

Е.П. – *В чем заключаются особенности новой жизни?*

Ф.И. – Молодой человек в поисках работы обращается не к государству, а к частному лицу. И если нет опыта человеческого общения, то наступают трудности в установлении контакта. Другая особенность заключается в том, что культурная жизнь стала примитивнее. Но традиция состоит в том, что талантливых, умных, глубоких людей время пытается сделать мельче, пошлее. И тут многое зависит от трезвости, сопротивляемости этих талантливых людей.

Е.П. – *Сегодня государство призывает школу выпускать детей успешными. Не нравственными, а именно успешными. Но ведь успеха можно достичь и безнравственными путями. Цель оправдывает средства?*

Ф.И. – Успешность должна формироваться в строгих нравственных рамках. Успешность любой ценой – путь разрушения человека, общества. Во все времена, как бы оправдываясь, говорили: «Время такое». Но все серьезное осталось, а несерьезное ушло из истории культуры.

Е.П. – *Может ли литература вернуться на прежние позиции?*

Ф.И. – И может, и должна! Но социальная жизнь изменилась, и это должен чувствовать серьезный писатель. А поверхностный писатель может привлечь внимание лишь на короткое время. Талантливый писатель не имеет права изменять своему таланту.

Е.П. – *А может ли талант нести разрушительную силу?*

Ф.И. – К сожалению, может. И разрушение – признак современной западной культуры, которая проникает и на Восток.

Е.П. – *В чем, по-Вашему, основное отличие литературы Запада и Востока?*

Ф.И. – Отличие заключается в том, что на Запад свобода пришла гораздо раньше и некоторые талантливые люди воспринимали ее как нечто естественное. Но свобода не включает идею защиты от свободы. И отсюда проистекает соблазн поступать так, как диктует в данный момент воображе-

ние. Слишком длительная свобода на Западе породила ослабление ответственности писателя за свое слово. А нам нельзя терять ответственность. С потерей ответственности как раз и происходит потеря позиций писателя, его авторитета.

Е.П. – *Что бы Вы пожелали молодым писателям?*

Ф.И. – Я бы хотел напомнить, что те серьезные требования, которые всегда предъявлялись писателю, никуда не исчезли, несмотря на то, что жизнь подсказывает поверхностные решения. Но настоящий писатель всегда знал, где искать истину.

Е.П. – *Что бы Вы пожелали читателям, нашему народу?*

Ф.И. – Людям необходимо проводить достаточно глубокий анализ существующих условий и честно и терпеливо приспосабливаться к ним.

Е.П. – *Нет ли противоречия в сочетании «честно приспосабливаться»?*

Ф.И. – Нет. Потому что жизнь – это форма приспособления. Но один приспосабливается, теряя нравственный контроль над собой, а другие остаются нравственными людьми в тех же социальных условиях.

Е.П. – *Ваше слово властям?*

Ф.И. – Властям я пожелал бы не отнимать у народа завоеванную свободу, не возвращаться к сталинским временам, иметь терпение и силу находить практически правильные решения для руководства страной в новых условиях.

Е.П. – *Позвольте попросить напутствие «Северу»...*

Ф.И. – Напутствие одно: дай Бог, чтобы никакие соображения не вставали над соображениями таланта. Сама по себе новизна вне таланта не доходит до читателя. Желаю «Северу» и впредь опираться на одаренных людей, публиковать талантливых авторов. И чтобы такой журнал, как «Север», поддерживало государство. Любое государство должно поддерживать культуру, так как культура сложным путем, но мощно поддерживает государство.

Декабрь 2008

